НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'253

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-63-76

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИРОНИИ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ И ИХ ПЕРЕДАЧА В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

Мария Валерьевна Михайловская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Для контактов: m_mikhaylovskaya@mail.ru

Аннотация. За последние несколько десятилетий ирония стала неотъемлемым компонентом официальных выступлений российских политиков. Становится очевидным, что иронические ремарки не возникают в речи случайно по причине излишней эмоциональности говорящего, а используются с расчётом вызвать нужную реакцию и сформировать определённое отношение к обсуждаемым вопросам, являясь частью тщательно продуманной стратегии. Таким образом, наделённые ироническим потенциалом единицы становятся способом манифестации языковой личности говорящего и инструментом оказания манипулятивного воздействия. Данная статья посвящена изучению элементов вертикального контекста как средств реализации иронии в современном российском политическом дискурсе и особенностей их передачи в синхронном переводе. В ходе исследования было установлено, что такие элементы вертикального контекста, как аллюзии, цитаты, реалии и идеологемные сочетания, способны создавать и усиливать иронический эффект. Как было показано, способы реализации иронического потенциала исходного высказывания, будь то элементы вертикального контекста или ставшие уже традиционными приёмы и механизмы, вызывают существенные трудности в синхронном переводе в силу разных языковых картин мира, когнитивного багажа и различного восприятия средств выражения иронии представителями русской и англоязычных лингвокультур. Помимо прочих задач, переводчик должен своевременно распознать иронию и её компоненты для приня-

© Михайловская М.В., 2025

тия адекватного переводческого решения, способствующего максимально возможной передаче коммуникативного эффекта.

Ключевые слова: ирония; способы реализации иронии; иронический потенциал; вертикальный контекст; элементы вертикального контекста; синхронный перевод; российский политический дискурс

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: *Михайловская М.В.* Способы реализации иронии в выступлениях российских политических деятелей и их передача в синхронном переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. №. 3. С. 63–76. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-63-76

Статья поступила в редакцию 04.10.2025;
одобрена после рецензирования 30.10.2025;
принята к публикации 31.10.2025.

EXPLORING THE WAYS OF IRONY MANIFESTATION IN PUBLIC SPEECHES OF RUSSIAN POLITICIANS AND THEIR SIMULTANEOUS INTERPRETATION

Maria V. Mikhailovskaia

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: m_mikhaylovskaya@mail.ru

Abstract. In recent decades, irony has become an integral part of Russian political discourse. It becomes abundantly clear that ironic retorts do not appear randomly in speech as a result of the speaker's excessive emotionality but are used as a stimulus to provoke the desired reaction and form a particular attitude to certain issues, as part of a meticulously elaborated strategy. The units with ironic potential thus become a way of manifesting the speaker's linguistic personality and a tool of manipulation. The present study is undertaken to explore vertical context elements as means of expressing irony in contemporary Russian political discourse and to examine the impact of their rendition on the quality of simultaneous interpretation. The findings further reveal that vertical context elements, such as allusions, quotations, realia and ideologemic combinations, are capable of producing and intensifying the ironic effect. As has been shown, the ways in which the ironic potential of the source utterance is

© Mikhailovskaya M.V., 2025

realised, whether through elements of the vertical context or through traditional techniques and mechanisms, cause significant difficulties in simultaneous interpretation due to different language worldviews, cognitive baggage and dissimilar perception of the means of irony expression by representatives of Russian and English-speaking linguistic cultures. Among other mentally demanding tasks, the interpreter has to recognise irony and its components in time to make an appropriate interpreting decision that will help to recreate the communicative effect of the source utterance.

Keywords: irony; ways of irony manifestation; ironic potential; vertical context; vertical context elements; simultaneous interpreting; Russian political discourse

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

For citation: *Mikhailovskaia M.V.* (2025). Exploring the ways of irony manifestation in public speeches of Russian politicians and their simultaneous interpretation. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 63–76. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-63-76

The article was received on October 04, 2025;
approved after reviewing on October 30, 2025;
accepted for publication on October 31, 2025.2025.

Введение

В настоящее время ирония, представляющая собой некий способ «осмеяния, содержащего оценку того, что осмеивается» (Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001: 316), изучается как одна из отличительных черт современного российского политического дискурса. Как было установлено, отличительный признак иронии — «двойной смысл, где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему подразумеваемый; чем больше противоречие между ними, тем сильней ирония» (там же). В данном исследовании, посвящённом способам манифестации этого феномена в современном политическом дискурсе, представляется более уместным исходить из понимания иронии как «синтеза идеологического процесса и лингвистического явления» (Горностаева, 2018: 59).

За последние несколько десятилетий вкрапления единиц, обладающих ироническим потенциалом, стали неотъемлемой частью

официальных выступлений российских политиков, поскольку, как не раз отмечалось различными исследователями, современный российский политический дискурс претерпел значительную трансформацию, прежде всего, под влиянием индивидуального-авторского дискурса Президента РФ В. Путина (Гаврилова, 2017; Горностаева, 2016, 2018; Паршина, 2012). Обезличенный, даже в какой-то степени, пользуясь выражением П. Серио, «деревянный» советский политический дискурс (Sériot, 1985) заиграл новыми лексико-стилистическими гранями, инкорпорировав разнообразные способы достижения иронического эффекта, некогда чуждые высокой политической риторике.

С одной стороны, иронические замечания могут быть продуманы заранее и включены в текст публичного выступления. С другой, наделённое ироническим потенциалом высказывание может быть неким экспромтом, выступая не как продуманный инструмент воздействия, а как категория дискурса, продукт взаимодействия между говорящим и реципиентом (Горностаева, 2018: 60). Так или иначе, иронические ремарки не возникают в речи случайно по причине излишней эмоциональности говорящего, а используются с расчётом вызвать нужную реакцию и сформировать определённое отношение к обсуждаемым вопросам, являясь частью тщательно продуманной стратегии: иронические элементы становятся способом манифестации языковой личности говорящего и инструментом оказания манипулятивного воздействия.

Методология и материал исследования

Настоящее исследование было проведено на материале современного российского политического дискурса, а именно публичных выступлений ведущих политических деятелей — В. Путина, С. Лаврова и М. Захаровой за период с 2016 по 2022 г. и их синхронного перевода в языковой паре русский-английский.

Собранный материал был систематизирован в двуязычный параллельный корпус устных текстов политического дискурса по следующим параметрам: 1) конкретный временной период; 2) политический деятель; 3) мероприятие, в рамках которого озвучивается публичное выступление; 4) тематика выступления (актуальные внутриполитические и геополитические вопросы); 5) синхронный перевод на английский язык, осуществлённый в прямом эфире.

Созданный корпус, длительность которого составляет 15 часов, составляют следующие дискурсивные события: большие пресс-конференции Президента РФ В. Путина, ежегодные пресс-

конференции Министра иностранных дел Российской Федерации С. Лаврова и брифинги Директора департамента информации и печати МИД РФ, официального представителя МИД РФ М. Захаровой.

Синхронный перевод, включённый в двуязычный параллельный корпус, был осуществлён в прямом эфире разными переводчиками, имеющими, как правило, различный статус. Первую условную группу составляют медиапереводчики-фрилансеры или штатные переводчики международного телеканала *RT* (ранее — *Russia Today*). В данном случае перевод осуществляется *in absentia*, то есть удаленно — в синхронной кабине, расположенной в телестудии. Во вторую группу входят официальные переводчики делегаций и Департамента лингвистического обеспечения МИД РФ. Перевод осуществляется *in situ*, то есть переводчик при выполнении своей работы находится в синхронной кабине, расположенной в непосредственной близости от участников официального мероприятия — в конференц-зале или зале заседаний.

Методологию исследования составляет лингвопрагматический анализ вербальной составляющей параллельных текстов с последующим — при необходимости — разбором невербального компонента.

Таким образом, положенный в основу настоящего исследования двуязычный параллельный корпус включает в себя обширный аутентичный материал, отражающий языковые особенности современного российского политического дискурса и реальную практику синхронного перевода. Проведённый лингвопрагматический анализ отобранных параллельных текстов позволяет судить о способах реализации иронии в данном виде дискурса, а также приёмах и тактиках, к которым прибегают высококвалифицированные переводчики для передачи иронического компонента в синхронном переводе.

Результаты: способы реализации иронии и их передача в синхронном переводе

Как показало проведённое исследование, в своих выступлениях российские политики часто прибегают к различным средствам выражения иронии, реализующим манипулятивную функцию. Иронический эффект может достигаться не только через уже хорошо известные «механизмы» (сопоставление несопоставимого, иронию парадокса; нарушение коммуникативных ожиданий; двусмысленность; открытие очевидного; отрицание очевидного; категоричное

противоречие; неожиданную смену речевого регистра (Горностаева, 2016: 60)), но и с помощью определённых элементов вертикального контекста, способных передать и усилить этот эффект. Как известно, вертикальный контекст представляет собой информацию общекультурного характера (Полубиченко, 1979: 4) (филологического, исторического, социально-политического, научно-популярного и иного рода — в зависимости от типа дискурса), в разных пропорциях содержащуюся в любом письменном или устном тексте и актуализируемую за счёт ассоциативности, метафоричности, ингерентных и адгерентных коннотаций, вплетённых в ткань отдельных лингвистических единиц, подразумеваемый смысл которых интерпретируется реципиентом на основании его языковой компетенции и накопленного когнитивного опыта. При этом среди элементов вертикального контекста принято выделять цитаты, аллюзии, фразеологизмы, реалии, лингвокультуремы, идеологемы и единицы разговорной лексики (Гюббенет, 2010; Михайловская, 2016, 2018; Полубиченко, Михайловская, 2017).

Разнообразные способы реализации манипулятивного потенциала иронии, к которым прибегают ведущие российские политики, перевернули представление о политическом и дипломатическом дискурсах и стали уже привычными для русскоязычного реципиента. Однако для передачи в синхронном переводе эти средства выражения иронии часто представляют объективную сложность в силу разных языковых картин мира и различного восприятия инструментов иронии представителями русской и англоязычных лингвокультур. Разберём наиболее показательные случаи.

Мы знаем, что Демократическая партия проиграла не только президентские выборы, но и выборы в Сенат, где у республиканцев большинство, в Конгресс, где у республиканцев большинство. ***Это что, тоже наша, тоже моя работа? А потом мы устроили пир горой на «развалинах часовни XVII века»? Часовню тоже мы развалили? Всё это не так*** (В. Путин. Большая пресс-конференция, 2016) // *We know that the Democratic party hasn't just lost the presidential election, but also the election to the Senate where the Republicans enjoyed the majority, to the Congress where the Republicans enjoyed the majority.* ***Is this my job as well? Is it my fault as well? Did we break this chapel as well? This is not the case. We didn't break that chapel*** (Синхронный перевод, ДЛО МИД РФ).

Как становится очевидным из примера выше, иронический эффект в высказывании В. Путина достигается за счёт реализации манипулятивной и дискредитирующей подфункций использованных

таких элементов вертикального контекста (Михайловская, 2024: 129), как синтаксис разговорной речи (*Это что, тоже наша, тоже моя работа?*), фразеологический оборот (*устроили пир горой*) и аллюзия на фразу Шурика, главного героя советского комедийного фильма Л. Гайдая «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (*Простите, часовню тоже я… развалил? — cf. А потом мы устроили пир горой на «развалинах часовни XVII века»? Часовню тоже мы развалили?*). Переводчику отчасти удалось сохранить разговорный стиль исходного высказывания (*Is this my job as well? Is it my fault as well?*), однако передать аллюзию не получилось. В переводе *Did we break this chapel as well? This is not the case. We didn't break that chapel* появление часовни оказывается для англоязычного реципиента совершенно немотивированным, а словосочетание *to break the chapel* нарушает нормы сочетаемости английского языка. Такое переводческое решение не только не передаёт иронию и интенции говорящего, но и не позволяет понять смысл высказывания. Естественно, даже полноценно переданную аллюзию на слова из советского фильма представителю другой лингвокультуры вряд ли бы удалось понять, поскольку цитаты и аллюзии из советских кинолент обычно выходят за рамки его культурного багажа. В данном случае опущение упоминания о часовне было бы более рациональным решением, так как не отвлекало бы от передачи иронического эффекта другими средствами.

Следующий пример наглядно иллюстрирует использование цитаты как средства выражения иронии и приёма её передачи в синхронном переводе: «*Мне трудно делать какие-то прогнозы.* ***Как сказал в одном из своих великих афоризмов В.С. Черномырдин***, *царствие ему небесное*: *"****Прогнозирование — чрезвычайно сложная вещь, особенно когда речь идёт о будущем****"*» (С. Лавров. Ежегодная пресс-конференция, 2020) // «*You know it's very hard to make any forecasts here.* ***There is a great saying by Mr. Chernomyrdin,*** *may he rest in peace: "****It's a very ungrateful thing to make forecast especially about the future****"*» (Синхронный перевод, RT).

В данном случае фигурирующий в ироническом ключе черномырдинский афоризм помог С. Лаврову элегантно уйти от прямого ответа на вопрос журналиста о том, какая судьба ожидает Иран в 2020 г., не повторит ли это государство судьбу Венесуэлы. Стоит отметить, что переводчик практически дословно передал слова С. Лаврова и цитируемое им высказывание, полностью сохранив смысл и иронию. Этот пример представляет собой тот случай, когда калькирование поверхностной структуры помогает передать ирони-

ческий эффект фразы, что можно объяснить в том числе и тем, что в исходном афоризме содержалась констатация очевидного факта.

Такой элемент вертикального контекста, как реалия, тоже может способствовать созданию иронического высказывания, о чём свидетельствует следующий пример: «*Честно говоря, за работой блогеров мне не удаётся следить. Я уже давно* ***ни за кем не слежу****, с тех пор как перестал быть* ***директором Федеральной службы безопасности***» (В. Путин. Большая пресс-конференция, 2021) // "*Well, honestly, I'm not following what the bloggers are doing. And, well,* ***I haven't been following people for a very long time, since I quit the Federal Security Service***" (Синхронный перевод, ДЛО МИД РФ).

В ответе В. Путина на вопрос одного из участников пресс-конференции содержится иронический компонент, который складывается из двусмысленности, игры слов с разными коннотациями и смысловой нагрузкой (*за работой блогеров мне не удаётся* ***следить*** *— я уже давно ни за кем* ***не слежу***), а также упоминания реалии (*Федеральная служба безопасности*), обладающей определённым ассоциативным потенциалом. Переводчик опустил игру слов, однако передать иронический эффект высказывания говорящего через калькирование поверхностной структуры ему удалось, чему также способствовал практически идентичный коннотативный и ассоциативный потенциал реалии *Федеральная служба безопасности* в русском и *Federal Security Service* в английском языках.

Идеологемные словосочетания также могут служить средствами создания или усиления иронического эффекта. Разберем следующий пример и его синхронный перевод: «*Теперь дальше: по поводу реестра СМИ — иностранных агентов и СМИ, которые попадают в иностранные агенты. Согласен с Вами, что ничего хорошего нет. Но напоминаю ещё раз, этот закон придуман не нами, а придуман в государстве, которое — Вы как представитель Великобритании, в данном случае Вы так выступаете, а Великобритания является ближайшим союзником Соединённых Штатов, — все считают* ***светочем демократии***» (В. Путин. Большая пресс-конференция, 2021) // "*Now, the last question was about foreign agents and media on the list. This law, it's not something we came up with on our own. You currently act as a representative of the UK and the UK is the closest ally of the US, and these countries are considered as* ***beacons of democracy***" (Синхронный перевод, ДЛО МИД РФ).

Иронический потенциал высказывания В. Путина о реестре иностранных агентов раскрывается за счёт смыслового парадокса, реализуемого во фразе *этот закон придуман не нами, а придуман*

в государстве, которое (…) *все считают* ***светочем демократии***. Иронический эффект усиливается благодаря идеологемному словосочетанию *светоч демократии,* которое само по себе обладает ироническим компонентом и уже обросло отрицательными коннотациями, поскольку употребляется применительно к тем странам и государствам, суть политики и принимаемых законов которых идет вразрез с демократическими принципами, то есть антидемократична. Переводчик опустил главную мысль о том, какое именно государство породило закон о реестре иностранных агентов, сохранив только идею о том, что *этот закон придуман не нами — this law, it's not something we came up with on our own.* Для передачи вышеупомянутого идеологемного сочетания был использован функциональный аналог, также обладающий идеологемным статусом в английском языке, — *a beacon of democracy* (дословно — *маяк демократии*). Это словосочетание было образовано по аналогии с другими фразеологизмами, наделёнными идеологическим компонентом и ставшими своеобразными реперными точками американского, в меньшей степени британского, политического дискурса: *a beacon of light, a beacon of hope*, *a beacon of opportunity, a beacon of excellence*. Перечисленные единицы часто используются в комплиментарном ключе, характеризуя Соединенные Штаты Америки. Идеологемное словосочетание *a beacon of democracy* не имеет отрицательных коннотаций в английском языке и не обладает ироническим потенциалом. Таким образом, синхронный перевод прозвучал нейтрально — как констатация определённых фактов, поскольку была опущена главная мысль исходного высказывания, при этом идеологемное словосочетание с ироническим, а также отрицательным коннотативным и негативным ассоциативным потенциалом было передано на английский язык с помощью функционального аналога, лишенного иронического компонента и обладающего противоположным зарядом — положительными коннотациями и ассоциациями.

В следующем примере можно проследить, как ирония выражается посредством парадокса и как этот прием был передан в синхронном переводе: «***Невозможно одной рукой снабжать неонацистов на Украине оружием, а другой — придумывать планы по «спасению ситуации»***. (…) *Вызывает удивление предположение, что Москву в принципе могли бы заинтересовать* ***«мирные» инициативы***, *которые во главу угла ставят логику дальнейшего* ***ужесточения санкций против России и продолжения военной поддержки киевского режима***. *При этом авторы документа* ***ни слова***

не говорят о прекращении поставок оружия Украине, без чего невозможно достичь мирного урегулирования. Это очевидно любому начинающему даже не дипломату, а стажёру» (М. Захарова. Брифинг, 25.05.2022) // *“**I can say that you cannot send weapons to Neonazis in Kiev and at the same time invent plans for saving situation.*** (…) *It is surprising to assume that Moscow could be interested in **peace initiatives that focus on logic of further tightening sanctions against Russia and continuing military support to the Kiev regime**. At the same time the authors of the document **don’t say a word about stopping supplies to Ukraine, which is impossible to achieve a peaceful, a peaceful settlement. And it’s obvious, it’s apparent to any diplomat**”* (Синхронный перевод, RT).

В этом комментарии М. Захаровой ирония реализуется за счёт парадокса, а именно перечисления заведомо взаимоисключающих понятий: *снабжать неонацистов на Украине оружием — придумывать планы по «спасению ситуации»*; *«мирные» инициативы — дальнейшее ужесточение санкций против России и продолжение военной поддержки киевского режима; ни слова о прекращении поставок оружия Украине — достичь мирного урегулирования.* Рассмотрим, как этот смысловой парадокс был передан в синхронном переводе: *you cannot send weapons to Neonazis in Kiev — at the same time invent plans for saving situation; peace initiatives — further tightening sanctions against Russia and continuing military support to the Kiev regime; don’t say a word about stopping supplies to Ukraine — to achieve a peaceful, a peaceful settlement.* Оставим в стороне некоторые неудачные обороты и кальки (например, *for saving situation; which is impossible to achieve a peaceful, a peaceful settlement*), нарушающие узус и норму английского языка, и сосредоточимся на передаче смыслового парадокса как средства выражения иронии. Фраза *to stop supplies to Ukraine* без упоминания того, какими именно были эти припасы/поставки, в противопоставление взаимоисключающих понятий не укладывается, так как оставляет возможность для домысливания. Неудачен и перевод последней фразы, представляющей собой подытоживание главной мысли, призванной усилить иронический эффект всего высказывания: «*Это очевидно любому начинающему даже не дипломату, а стажёру*». Данное утверждение было передано следующим образом: *“And it’s obvious, it’s apparent to any diplomat”*. Допущенная автокоррекция (*it’s obvious, it’s apparent*) не улучшила перевод, а только утяжелила его восприятие. Содержащееся в исходной фразе противопоставление *дипломат — стажёр* передано не было из-за попытки немотивированной генерализации

to any diplomat, которая привела к искажению смысла, поскольку *стажёр* — это начинающий специалист, а не *«любой» дипломат.* Таким образом, непоследовательная передача смыслового парадокса, употребление калек, немотивированная генерализация, допущение языковых ошибок, повтор (*a peaceful, a peaceful settlement*) и автокоррекция воспрепятствовали передаче иронии в этом фрагменте.

Заключение

Таким образом, ирония в современном российском политическом дискурсе выступает в качестве манипулятивного инструмента, который реализуется не только с помощью традиционных приёмов, например парадокса, но и через использование элементов вертикального контекста. В качестве средств выражения иронии могут служить аллюзии, цитаты, реалии и даже идеологемные сочетания, выполняя тем самым свою манипулятивную и дискредитирующую функции. К показало исследование, в одних случаях иронический эффект помогает сохранить калькирование поверхностной структуры, что редко оказывается эффективным при переводе стилистически нейтральных, «неироничных» высказываний, в других — скорее может «сработать» опущение аллюзии или части цитаты, если они выходят за пределы культурного багажа реципиента. Также нужно быть осмотрительнее с использованием функционального аналога идеологемных сочетаний, если в переводящем языке они лишены иронического компонента и наделены исключительно коннотативно-ассоциативным потенциалом. Реалии же, обладающие идентичными коннотациями и вызывающие аналогичные ассоциации в исходной и принимающей лингвокультурах, наоборот, целесообразнее передавать с помощью соответствующего эквивалента. Наряду с вышесказанным, стоит отметить, что во многих случаях универсальным способом передачи иронии или компенсации иронического эффекта может служить интонация — приём, к которому прибегают профессиональные синхронные переводчики в коммуникативных целях.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что способы достижения иронического эффекта исходного высказывания, будь то элементы вертикального контекста или ставшие уже традиционными приёмы и механизмы, вызывают существенные трудности в синхронном переводе в силу разных языковых картин мира, когнитивного багажа и различного восприятия средств выражения иронии представителями русской и англоязычных лингвокультур. Помимо прочих задач, переводчик должен своевременно распознать иро-

нию и её компоненты для принятия адекватного переводческого решения, способствующего максимально возможной передаче коммуникативного эффекта.

Список литературы

Гаврилова М.В. Лингвистический анализ выступлений главы государства: тематика, направления и методы исследования // Политическая наука, 2017. № 2. С. 54–72.

Горностаева А.А. Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика, 2016. № 1. С. 57–76.

Горностаева А.А. Границы дозволенного в политическом дискурсе: ироничность, чёрный юмор, деструктивность, сквернословие // Политическая лингвистика, 2018. № 1. С. 57–66.

Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001.

Михайловская М.В. К постановке вопроса о глобальном вертикальном контексте дискурса и его передаче в устном переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2016. № 4. С. 174–181.

Михайловская М.В. Устный перевод: идеологема как категория глобального вертикального контекста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2018. № 4. С. 167–175.

Михайловская М.В. К вопросу о передаче функционального потенциала элементов вертикального контекста в синхронном переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2024. № 4. С. 127–136.

Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика // под. ред. О.Б. Сиротиной. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Полубиченко Л.В. К обоснованию и развитию понятия вертикальный филологический контекст. Дисс. … канд. филол. наук. М., 1979.

Полубиченко Л.В., Михайловская М.В. Устный перевод в дискурсивном аспекте: глобальный вертикальный контекст // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2017. № 1. С. 116–129.

Sériot P. (1985) Analyse du discours politique soviétique. Paris: Institut d'études slaves.

References

Gavrilova M.V. (2017) Lingvisticheskij analiz vystuplenij glavy gosudarstva: tematika, napravlenija i metody issledovanija = Linguistic analysis of the speech

of the head of state: topics, directions and methods of research. *Politicheskaja nauka*. No. 2, pp. 54–72 (In Russian).

Gornostaeva A.A. (2016) Mesto ironii v rechevyh portretah sovremennyh politicheskih dejatelej = The place of irony in the speech portrait of a modern politician. *Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika*. No. 1, pp. 57–76 (In Russian).

Gornostaeva A.A. (2018) Granicy dozvolennogo v politicheskom diskurse: ironichnost', chernyj jumor, destruktivnost', skvernoslovie = Permitted limits in political discourse: irony, black humour, destructiveness, invectives. *Politicheskaya lingvistika.* No. 1, pp. 57–66 (In Russian).

Gjubbenet I.V. (2010) Osnovy filologicheskoi interpretatsii literaturno-khudozhestvennogo teksta = The basic principles of philological interpretation of a literary text. 2nd edition. Moscow: Knizhniy dom "LIBROKOM". (In Russian).

Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij = Literary encyclopedia of terms and concepts / pod. red. A.N. Nilyukina. Moscow: Intelvak, 2001. (In Russian).

Mikhaylovskaia M.V. (2016) K postanovke voprosa o global'nom vertikal'nom kontekste diskursa i ego peredache v ustnom perevode = On the global vertical context of discourse in interpreting. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaja kommunikatsija.* No. 4, pp. 174–181 (In Russian).

Mikhailovskaia M.V. (2018) *Ustnyj perevod: ideologema kak kategorija global'nogo vertikal'nogo konteksta* = An ideologically-bound unit as a global vertical context category from the perspective of interpreting practice. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaja kommunikatsija.* No. 4, pp. 167–175 (In Russian).

Mikhailovskaia M.V. (2024) *K voprosu o peredache funkcional'nogo potenciala jelementov vertikal'nogo konteksta v sinhronnom perevode* = Rendering the functional potential of vertical context elements in simultaneous interpreting). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaja kommunikatsija.* No. 4, pp. 127–136 (In Russian).

Parshina O.N. (2012) Rossijskaya politicheskaya rech`: teoriya i praktika = Russian political discourse: theory and practice // pod. red. O.B. Sirotinoj. 3d edition. Moscow: Knizhniy dom "LIBROKOM". (In Russian).

Polubichenko L.V. (1979) K obosnovaniyu I razvitiyu ponatiya vertikal'nyi filologicheskii kontekst: Diss. … kand. filol. nauk = Concerning the development and reasoning of the concept of philological vertical context. Moscow. (In Russian).

Polubichenko L.V., Mikhaylovskaia M.V. (2017) Ustniy perevod v diskursivnom aspekte: globalniy vertikalniy context = Discursive approach to interpreting: global vertical context. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaja kommunikatsija.* No. 1, pp. 116–129 (In Russian).

Sériot P. (1985) Analyse du discours politique soviétique. Paris: Institut d'études slaves.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Михайловская Мария Валерьевна — старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, член Союза переводчиков России. 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13; m_mikhaylovskaya@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Maria V. Mikhailovskaia — Assistant Professor at the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies. 119234, Leninskiye Gory, 1, bld. 13; Lomonosov Moscow State University, a member of Russian Union of Translators; m_mikhaylovskaya@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.